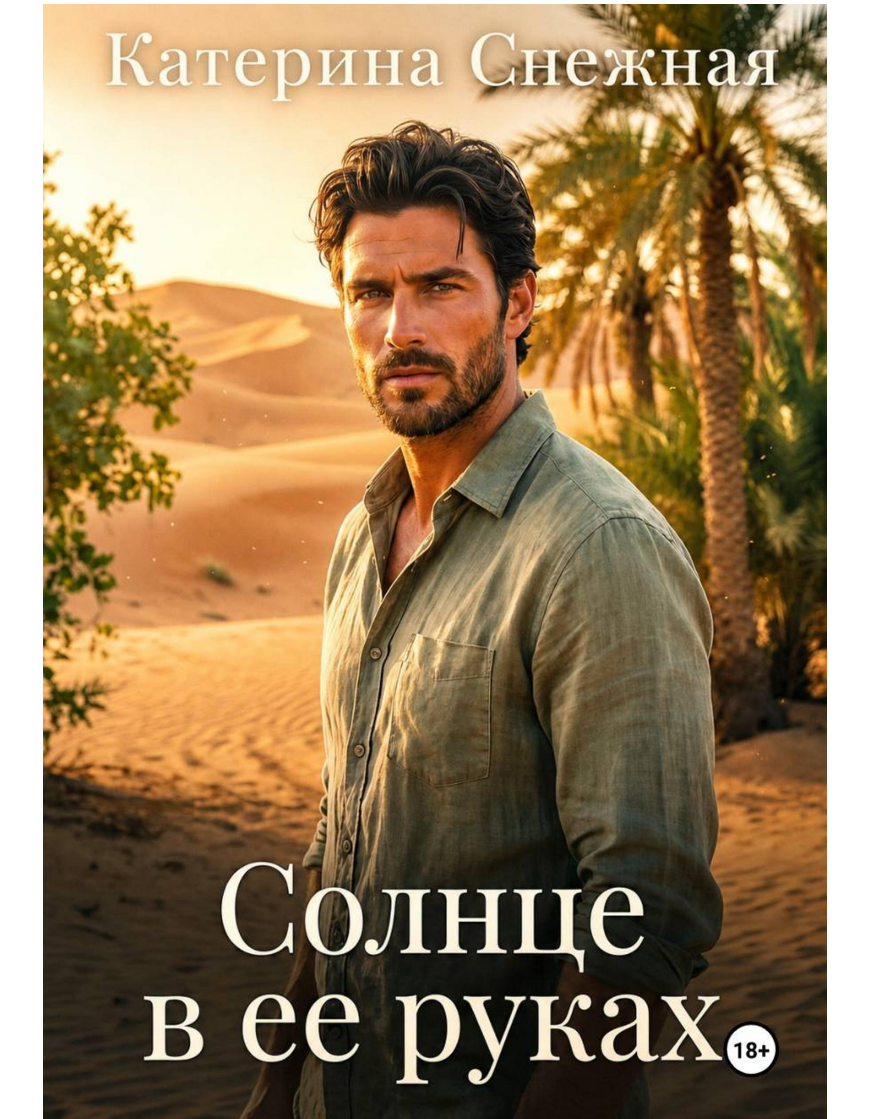

A full-page photograph of a man with dark, wavy hair and a beard, wearing a light green button-down shirt. He is standing in a desert landscape with sand dunes and palm trees in the background. The scene is lit with warm, golden light from a low sun, creating a romantic and atmospheric mood.

Катерина Снежная

Солнце
в ее руках

18+

Катерина Снежная

Солнце в ее руках

<https://litres.ru/74687498>

SelfPub; 2026

Аннотация

У меня есть ровно три месяца, чтобы спасти убыточную финиковую ферму в раскаленных песках Аравии. Иначе отец продаст последнее, что осталось в память о моей матери.

Я привыкла играть по жестким правилам московского бизнеса. Но здесь, вдали от цивилизации, они не работают. Местный монополист готов на всё, чтобы забрать мою землю. А единственный, кто может мне помочь — грубый, пропитанный запахом мазута и опасности механик Фарадж.

Он слишком умен для простого работяги. Он знает безупречный русский, скрывает свое прошлое и... работает на моего заклятого врага.

Доверять ему чистейшее безумие. Но когда жар пустыни плавит остатки здравого смысла, а кольцо проблем сжимается, границы между подозрениями и обжигающей страстью стираются.

Но как перевести на язык логики то, что происходит между нами?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Катерина Снежная

Солнце в ее руках

Глава 1

Дверь из матового стекла бесшумно закрылась за последним директором департамента. В переговорной повисла звенящая тишина, нарушаемая только тихим гудением кондиционера. Ледяной воздух дул прямо в затылок.

— Квартал закрыли удачно, — Игорь Дмитриевич откинулся в массивном кресле. Ослабил узел шелкового галстука. Посмотрел на меня тяжело, по-деловому. Отца в этом взгляде не было. — Что у нас по Аравии? Почему ферма еще висит на балансе? Никаких движений по сделке.

Я сцепила пальцы под столом. Ногти больно впились в ладони.

— Я приостановила продажу, — ответила, глядя ему прямо в глаза.

— Причина?

— Я сомневаюсь в правильности решения. Да, сейчас актив неликвидный. Тянет деньги. Но там есть инфраструктура, которую можно перепрофилировать.

— Соня, прекращай, — отец коротко, раздраженно стук-

нул костяшками по столу. — Я понимаю твои сантименты. Но Саиды больше нет. Пять лет прошло. Избавляйся от этой пыльной песочницы, пока она не сожрала годовой бюджет отдела.

Внутри всё сжалось. Имя матери, брошенное вот так, между финансовыми сводками, резануло по ушам. Отдать ферму, значило стереть последнее, что от нее осталось.

— Это не сантименты, а бизнес, — я подалась вперед, опираясь локтями о холодный камень столешницы. — Если поменять управляющего...

Ритмичный стук каблуков прервал меня на полуслове.

Дверь открылась. Запах тяжелого, нишевого парфюма тут же заполнил пространство. Елена. Моя мачеха. Личный ассистент Игоря Дмитриевича и женщина, которая умудрялась выглядеть в строгом деловом костюме так, словно собралась на красную дорожку.

Я внутренне подобралась. Сейчас она кивнет мужу, поддакнет, и на этом спор закончится. Та подошла к столу. Положила перед отцом синюю папку на подпись.

— А я думаю, София права, — спокойно произнесла она.

Я перестала дышать. На секунду мне показалось, что из-за кондиционера я просто оглохла. Перевела взгляд на мачеху. Гладкое лицо, идеальный макияж, ни тени насмешки.

— Что? — отец замер с ручкой в руке. Нахмурился.

— Я просмотрела отчеты из Аравии, — Елена оперлась бедром о край стола, скрестив руки на груди. — У места

длинная история. Сбросить ферму сейчас значит тупо зафиксировать убыток. Если София считает, что может выстроить работу с управляющим и реанимировать актив... почему бы не дать ей шанс?

Пауза затянулась.

Я смотрела на Елену во все глаза, пытаюсь найти подвох. Зачем ей это? Помочь падчерице, которую она никогда особо не жаловала? Выслужиться перед боссом? Сплавить меня из Москвы? Плевать. Мотив не имел значения. Брошенным спасательным кругом нужно было пользоваться.

— Три месяца, — быстро сказала я, перехватывая инициативу, пока отец не успел возразить. — Дай мне три месяца. Я поеду в Аравию сама. И если не выведу ферму в ноль, тогда продавай.

Отец переводил взгляд с меня на жену и обратно. Желваки на его лице дрогнули. Он захлопнул папку и бросил ручку на стол.

— Хорошо, — отрезал он. — У тебя три месяца, София. Заказывай билеты.

Неделю спустя...

Стеклянные створки терминала разъехались в стороны, и Дубай обрушился на меня влажной, удушающей тяжестью.

Воздух был плотным, как мокрая шерсть. Он моментально осел на коже липкой пленкой, забиваясь в легкие. Я ин-

стинктивно сделала шаг назад, в спасительную зону кондиционеров аэропорта.

Вокруг бурлила незнакомая жизнь. Шелестели шинами дорогие автомобили, проносились чемоданы на колесиках, в ушах стоял непрерывный гул из десятков языков, где мягкая арабская вязь смешивалась с резким английским. Я никогда здесь не была. Этот мир был слишком ярким, громким для человека, привыкшего к серым панорамам, Москва-Сити.

— София?

Голос прозвучал музыкально, с легкой, едва уловимой хрипотцой.

Я обернулась. Женщина средних лет смотрела на меня с легкой полуулыбкой. Мы знали друг друга только по редким звонкам и комментариям в социальных сетях, но я узнала ее сразу. Саида. Тезка и лучшая подруга моей покойной матери.

Женщина была одета традиционно: черная, струящаяся абайя и аккуратно повязанный платок. Дьявол крылся в деталях. Тяжелый шелк переливался на свету, на запястье тускло блеснул платиновый циферблат «Картье», а в воздухе повеяло дорогим удом и пряностями. За томной, закрытой женственностью чувствовались огромные деньги и железная хватка.

— Саида, — выдохнула я, чувствуя, как напряжение долгого перелета немного отпускает.

Мы обнялись сдержанно, но тепло. От нее пахло розовой

водой и чем-то неуловимо домашним.

Пятнадцать минут спустя мы сидели в прохладном лаунж-кафе аэропорта. Официант бесшумно поставил перед нами высокие стеклянные стаканы со льдом и гранатовым соком. Стенки бокалов мгновенно покрылись испариной.

— Жара просто нечеловеческая, — я приложила холодный стакан к запястью, пытаясь остудить пульсирующую вену. — И влажность. Как вы тут вообще дышите?

Саида мило рассмеялась. В уголках ее карих глаз собрались добрые морщинки.

— Ты привыкнешь, детка. Дай себе пару дней. Аравия тебе понравится, вот увидишь. Она у тебя в крови.

Я скользнула взглядом по своему отражению в темном стекле панорамного окна. Каштановые, слегка выющиеся волосы, смугловатая от природы кожа, высокие скулы. Наверное, дело было во внешности. Я легко сошла бы за местную, если бы не глаза. Не темные, как у матери, а прозрачно-зеленые, цвета жестких пальмовых листьев. Глаза папы.

— Сомневаюсь, — я сделала глоток и ледяной сок прокатился благостью в сухое горло. — Я здесь только ради фермы. Хочу понять, стоит ли Тамр аз-Захаб хоть чего-то, или папа прав, и это просто кусок мертвой земли.

При упоминании фермы Саида чуть опустила глаза. Тонкий палец с идеальным прозрачным маникюром задумчиво обвел кромку стакана.

— Тамр аз-Захаб... — она произнесла название нараспев.

— Я выросла там вместе с твоей мамой. Мы бегали босиком по раскаленной земле. Давно туда не заезжала. Времени совсем нет. Моя сеть магазинов съедает меня без остатка.

Я понимающе кивнула. Бренд «Подружка» — сеть магазинов эко-косметики, которую Саида вывела не только на рынки всего Ближнего Востока, но и Европы. Я видела ее цифры в финансовых отчетах конкурентов. У нее была империя. То, что женщина такого уровня вообще лично приехала в аэропорт ради дочери подруги детства, говорило о многом.

— Как ты справляешься? — спросила я, искренне интересуясь. — Управлять таким бизнесом на два континента...

— Тяжело, — Саида пожала плечами, и шелк ее абайи зашуршал. — Особенно сейчас. Запросы на органику растут, Европа требует натуральные составы, а найти чистое сырье без примесей с каждым годом всё сложнее. Сплошная синтетика. Но, справляемся.

Она вдруг тепло посмотрела на меня, отгоняя рабочие мысли.

— Забудь пока о цифрах. Как долетела? Ты выглядишь бледной. Московская зима вытягивает из вас все соки. Хотя бы загоришь.

— Полет прошел нормально, — я откинулась на спинку кресла. — Просто устала. И... немного страшно ехать туда одной.

— Финики там раньше были самые сладкие во всем регионе, — Саида нежно накрыла мою руку своей. Кожа у нее

ощущалась прохладной и очень мягкой. — Твоя мать любила это место. Посмотри на всё своими глазами. А если будет совсем тяжело, ты знаешь мой номер.

Дорога от аэропорта вымотала меня окончательно. Когда арендованный джип с хрустом затормозил на гравийной площадке, солнце уже стояло в зените. Жара не спадала, а наоборот казалось усиливалось. Стоило открыть дверцу, тот тут же затопил салон сухим воздухом, колючим и пахнущим раскаленной пылью.

Я оперлась о горячий металл машины, оглядываясь.

«Тамр аз-Захаб». Золотой финик. Память матери рисовала цветущий оазис, но реальность была разочарованием. Ряды финиковых пальм уходили к горизонту, их стволы выглядели иссушенными. Некогда роскошные зеленые кроны покрывал толстый слой серой пыли. Главный дом из светлого камня покосился, краска на деревянных ставнях облупилась и пошла трещинами. Система орошения, судя по пересохшим арыкам, давно не работала. Три месяца. Отец дал мне это время, чтобы превратить это кладбище в актив.

— Ситти? (Госпожа?) — раздался хриплый, надтреснутый голос.

От тени веранды отделилась фигура. Пожилой мужчина неспешно спускался по ступеням, тяжело опираясь на сучковатую трость. Бади. Старый друг деда. Он давно вышел на пенсию, но, судя по всему, продолжал присматривать за домом, пока ферма медленно умирала.

Я шагнула ему навстречу, поправляя воротник льняной блузки, которая уже липла к лопаткам.

— *Ассаламу алейкум, Бади*, (Мир тебе) — мягко произнесла я по-арабски. Акцент, поставленный матерью еще в детстве, никуда не делся. — Ана София. *Ибнат Саида*. (Я София. Дочь Саиды).

Старик замер. Его дубленая, изрезанная глубокими морщинами кожа вокруг глаз дрогнула. Он приложил сухую ладонь к груди и склонил голову, выказывая уважение. Но в его потемневшем взгляде я прочитала только глухую обреченность.

— *Ахлан ва сахлан, ситти*, (Добро пожаловать) — тихо ответил он. — Где же управляющий? Мы ждали его.

— Управляющего не будет, — я выпрямилась. — Я пришла принять дела. С сегодняшнего дня я здесь за главную.

Резкий, рвущий уши лязг металла прервал нас. Звук донесся из-под дальнего навеса, где стоял древний, выцветший грузовик с открытым капотом.

Из-под днища машины торчали длинные мужские ноги в грубых рабочих ботинках и потертых джинсах. Снова раздался скрежет, за которым последовала короткая, хлесткая фраза на арабском:

— *Ялла, йа шайтан! Хазихи аль-аджля ля тадур!* (Давай, дьявол! Эта шестеренка не крутится!)

Голос был низким, грудным. Он вибрировал в раскаленном воздухе. Бади тяжело вздохнул и постучал тростью по

земле.

— Фарадж. Вылезай. Хозяйка приехала.

Скрипнула роликовая доска. Из-под грузовика неспешно, словно нехотя, выкатился мужчина. Он сел прямо на пыльную землю, небрежно бросив тяжелый гаечный ключ у ног, и вытер руки промасленной ветошью.

Я замерла, почувствовав, как сбился ритм дыхания.

Он был слишком крупным для разваливающейся мастерской. Темные, жесткие волосы взмокли от пота и прилипли к смуглому лбу. На точеной, хищной скуле чернел след мазута. В нем была классическая, породистая арабская красота, от которой перехватывало горло; резкие черты лица, прямой нос и густые брови. Но привлекательность эта была дикой, грубоватой. От него пахло агрессивной физической силой, бензином и первобытным мужским потом.

Мужчина поднялся на ноги. Пространство вокруг словно сжалось, подстраиваясь под его габариты. Фарадж окинул меня долгим, неторопливым взглядом, задержавшись на расстегнутой верхней пуговице блузки, а затем на моих идеальных городских туфлях, стоящих в рыжей пыли. В его почти черных глазах мелькнула откровенная, царапающая насмешка. Не утруждая себя тем, чтобы понизить голос, он бросил Бади на арабском:

— *Иза канат хазихи хийя аль-мудира, фа-наху фи мусиб-ба.* (Если эта — начальница, то мы в дерьме). — *Хийя са-тахраб бада аввал касрат зуфр.* (Она сбежит после первого

же сломанного ногтя).

Он отвернулся, собираясь закинуть ветошь на капот, уверенный, что рафинированная европейка из Москвы не поняла ни слова. Я почувствовала, как внутри тугим узлом сворачивается злость, мгновенно выжигая усталость от перелета.

— *Нахну фи мусиба би-сабаб аль-амаль ас-сайи, ва-лайса би-сабаб азафири*, (Мы в дерьме из-за плохой работы, а не из-за моих ногтей) — мой голос прозвучал так же ровно и холодно, как на совете директоров в Сити. Чистый, академический арабский.

Спина Фараджа напряглась. Он замер. Огромная мышца под грязной футболкой дернулась. Медленно, очень медленно он обернулся. Насмешки в его глазах больше не было. Только темное, острое, как бритва, внимание.

— *Аттавака мин механикики ан йуслих аль-аалят, ва-лайса ан йукаййим мудираху*, (Я ожидаю от своего механика, что он будет чинить машины, а не оценивать начальство) — я шагнула к нему, намеренно сокращая дистанцию. Запах нагретого металла и мазута ударил в нос. Я вздернула подбородок, чтобы смотреть ему в лицо. — До тех пор, пока я здесь, ты либо работаешь, Фарадж, либо ищешь другое место.

Тишина стала такой плотной, что в ней отчетливо слышалось жужжание одинокой мухи.

Фарадж смотрел на меня, не мигая. Никаких извинений за свой прокол. Ни капли смущения. Только жесткий, оценива-

ющий взгляд человека, на чью территорию зашли без спроса.

Я отвернулась первой. Жара давила на виски, перелет вытянул последние силы. Тратить их на воспитание местного механика в первый же день я не собиралась.

— Чертов шовинист, — процедила я сквозь зубы на русском, сузив глаза.

Думала, на этом раунд окончен, но Фарадж вдруг сжал челюсти. Твердые линии его лица стали еще резче. Он посмотрел на меня снизу вверх, спокойно, с едва заметной усмешкой в уголках губ и произнес в спину:

— Не могу с тобой согласиться.

Глава 2

Я замерла. Воздух застрял в горле. Фраза прозвучала на русском. С явным акцентом, чуть жестковато, но абсолютно чисто по смыслу.

— Но будем считать, — он бросил промасленную ветошь на бампер грузовика. - Что мы квиты.

Мой словарный запас испарился вместе с чувством превосходства. Он понял всё. И про шовиниста, и, возможно, то, что я бормотала себе под нос, выходя из машины. Кто он вообще такой? Обычные механики в арабской глубинке не говорят на языке Достоевского.

Бади деликатно кашлянул, разрубая повисшее напряжение. Стук его трости о сухую землю прозвучал как гонг к окончанию боя.

— Пойдемте, ситти София, — примирительно сказал старик, переводя взгляд с меня на Фараджа. — Я покажу вам главный дом и записи. Увидите всё своими глазами. Но сначала нужно выгрузить ваши чемоданы.

Бади повернулся к механику и добавил по-арабски, возвращаясь к привычной иерархии:

— Занеси вещи госпожи в дом.

Фарадж ничего не ответил. Он молча шагнул к моему арендованному джипу, всем своим видом показывая, что де-

лает это не из подчинения, а просто потому, что старик попросил.

Я поправила ремешок сумки на плече и пошла за Бади к крыльцу, чувствуя спиной тяжелый взгляд человека, с которым мне предстояло провести ближайшие три месяца.

Вещи остались стоять в пыли у джипа, а мы с Бади пошли вдоль бесконечных рядов посадок.

Сухая, растрескавшаяся земля глухо хрустела под подошвами моих туфель. Трость старика оставляла круглые вмятины. Мы обошли хозяйственные пристройки: покосившиеся деревянные двери, ржавые петли, навесы со спущенными шинами тракторов. Я внимательно осматривала углы амбаров. Ни единой камеры видеонаблюдения, ни одного датчика движения или современных систем полива. Сюда не вкладывали ни копейки лет десять. Работы был непочатый край, и трех месяцев казалось ничтожно мало.

— Твоя матушка очень любила эту аллею, — голос Бади зазвучал мягче, когда мы остановились в тени старой раскидистой пальмы. Старик смотрел куда-то сквозь меня, в прошлое. — Она и Саида бегали здесь совсем девчонками. Смеялись так, что птицы взлетали. Живые были времена.

Я коснулась шершавого ствола пальмы. Дерево было сухим, почти мертвым.

— Сейчас здесь слишком тихо, Бади. Я видела отчеты в Москве, но хочу понять реальную картину. Где люди? Сколько человек работает в полях?

Старик тяжело оперся на трость и отвел взгляд.

— Нисколько, ситти. Местные ушли. Кому нужна ручная работа на мертвой земле? Почти все перебрались на соседние земли.

— К кому?

— К Вахиду Самиру, — нехотя произнес он. — Он скупил почти всё вокруг. Поставил новые машины для сбора, автоматизировал полив. Ему ручной труд не нужен, но он платит стабильно за обслуживание техники. Люди и потянулись.

Мы повернули обратно, к широкому двору фермы. Солнце пекло спину сквозь тонкую ткань блузки.

— Самир ведь и этот участок хотел купить, — добавил Бади, перешагивая через пересохший арык. — Еще при прошлом управляющем приходили его люди. Предлагали цену.

Я остановилась. Мозг финансиста мгновенно зацепился за несостыковку.

— Предлагали цену? — переспросила я, повернувшись к старику. — Когда это было?

— Месяцев восемь назад. Может, год.

Я нахмурилась, глядя на раскаленную землю. В ежедневных рапортах прошлого управляющего, которые ложились на стол отцу, не было ни единого слова об официальных предложениях о покупке. Значит, дело было не только в засухе. Ферму сознательно вели к разорению, скрывая информацию от Москвы.

Мы подошли к главному дому. Двухэтажное здание из

светлого камня выглядело заброшенным: ставни закрыты, краска облупилась, на крыльце намело песок. Справа от дома темнел просторный открытый гараж. В глубине, под тусклой лампой, возился с мотором Фарадж. Лязг гаечного ключа о металл гулко разносился по двору.

— А что с соседней деревней? — спросила я, понизив голос. — Там можно найти рабочих на сезон?

— Молодежь уезжает в город, — Бади покачал головой. — Остались старики да женщины.

— Но ведь у нас есть механик, — я посмотрела в сторону гаража. Фарадж стоял спиной к нам, его широкие плечи напрягались от усилия. — Он же местный. Найдется еще пара человек.

Бади помолчал. Стук металла в гараже на секунду затих.

— Не стоит ему так доверять, ситти, — едва слышно произнес старик.

— Почему?

— Фарадж работает на тех, кто платит. У него свои долги. Сегодня он чинит наш насос, завтра — трактор в другой деревне.

Я перевела взгляд с широкой спины механика на старика.

— На Самира он тоже работает?

Бади молча кивнул.

Образ ситуации начал складываться в очень неприглядную картину. Убыточная ферма, скрытые предложения о покупке, монополист-сосед и грубый механик, который чинит

мою технику, но сидит на зарплате у конкурента.

— Так что вы решите, ситти? — спросил Бади, глядя на закрытые двери дома. — Продадите всё? Самир даст хорошие деньги, чтобы сровнять здесь всё с землей и объединить участки.

Я еще раз посмотрела на потемневший от времени дом матери, затем на гараж, где снова лязгнул металл. В голове уже формировался план. Рискованный, странный для этих мест, но единственный возможный.

— Я подумаю, Бади, — ровно ответила я. — В этом доме можно жить?

Старик проследил за моим взглядом на закрытые массивные двери.

— Да, ситти. Я попросил свою дочь прибраться на первом этаже. Там есть чистая вода, продукты на первое время и свежее постельное белье. Электричество мы включили, водопровод работает. Но... — Бади замялся, опираясь на трость. — Удобства на улице. Канализации здесь отродясь не было.

Удобства на улице. Я мысленно хмыкнула, вспомнив свою идеальную ванную в Москва-Сити. Я выдержу.

Краем глаза я уловила движение. Фарадж вышел из гаража. Он не подошел ближе, просто остановился в тени деревянной опоры, вытирая руки тряпкой. От него исходила тяжелая, густая энергетика. Я кожей чувствовала его взгляд, неподвижный и темный.

По спине скользнул неприятный холодок. Вокруг на километры ни души, только сухие пальмы и песок.

— А есть другие опасности? — я намеренно не отрывала взгляд от Фараджа, хотя обращалась к старику. — Дикие животные, например?

Фарадж замер. Тряпка в его руках перестала двигаться. Он чуть склонил голову, явно уловив подтекст.

— Бывают, ситти, — спокойно ответил Бади, не заметив нашей безмолвной дуэли. — Пустынные лисы, иногда шакалы. Кабаны спускаются к воде. Но они редко подходят близко к жилью. А если подойдут... в кабинете, за столом, есть старый оружейный шкаф. Ключ в замке. Там отцовская двустволка и охотничьи патроны.

— Хорошо, — я повысила голос ровно настолько, чтобы механик у навеса отчетливо меня услышал. — Я умею стрелять. Отец научил.

Уголок губ Фараджа едва заметно дрогнул в усмешке. Он не поверил ни единому слову, но сообщение принял. Бросив ветошь на бочку, он направился к своему старому пикапу, припаркованному за домом.

Бади достал из кармана тяжелый, потемневший от времени латунный ключ и протянул мне. Металл был теплым от его руки.

— Завтра утром я приеду снова, ситти. Отдыхайте.

Старик побрел к пикапу, куда уже забрался Фарадж. Хлопнули дверцы. Двигатель зарычал, выплевывая сизый

дым, и машина, поднимая шлейф рыжей пыли, покатила по неровной дороге прочь от фермы.

Гул мотора затих вдали.

Я осталась одна. Тишина обрушилась на меня, тяжелая и звенящая, прерываемая только сухим шорохом пальмовых листьев на ветру. Стоило перевести дух, крепче сжала в руке латунный ключ и, подхватив чемоданы с пыльной земли, шагнула к крыльцу. Предстояло осмотреть свои новые владения.

Глава 3

Ключ с трудом провернулся в старом замке, издав протяжный металлический скрежет. Я налегла плечом на тяжелую деревянную дверь. Она поддалась, и в лицо пахнуло сухим, спертым воздухом — смесью старого дерева, пыли и чего-то неуловимо сладковатого, похожего на высохший ладан.

Втащив чемоданы в холл, я закрыла за собой дверь, отсекая раскаленный зной улицы. Внутри царил густой, спасительный полумрак.

Дом казался огромным, с высокими потолками и толстыми каменными стенами, надежно державшими прохладу. Шаги приглушенно тонули в выцветших коврах с тусклым орнаментом, пока я осматривала комнаты. Темная массивная мебель, кованые светильники. На кухне дочь Бади оставила кувшин с чистой водой, лепешки, финики и немного сыра, заботливо накрытые льняной салфеткой.

Всё здесь кричало о другой жизни. В Москве время измерялось квартальными отчетами, секундами до закрытия торгов и ритмом мигающих светофоров. Здесь оно не шло... оно стояло, как густой мед в кувшине. Другой менталитет. Другое мышление.

Проведя рукой по лозе плетеного кресла, я поймала себя на мысли о матери. Она выросла в этих стенах. Бегала боси-

ком по скрипучим половицам, пряталась от солнца за тяжелыми ставнями. Как Саида, с ее мягким, тягучим темпераментом, смогла выжить в холодной, бетонной Москве рядом с моим жестким, расчетливым отцом?

Ступени на второй этаж застонали под ногами. Дальняя спальня оказалась кабинетом деда. В углу действительно стоял массивный металлический шкаф — тот самый, с ружьем. На широком столе из красного дерева лежали стопки пожелтевших от времени бумаг.

Пришлось с усилием потянуть на себя один из ящиков стола. Под слоем пыли лежал толстый альбом в кожаном переплете.

Пальцы сами потянулись к застежке. Я открыла обложку и замерла. Это были не фотографии. Страницы заполняли карандашные рисунки и акварельные наброски. Линии были мягкими, летящими. На одном листе раскидистая пальма. На другом лицо Саиды, еще совсем юной, с дерзкой улыбкой.

Очередная страница заставила дыхание сбиться. С бумаги на меня смотрел молодой папа. Никакого строгого пиджака, никаких жестких складок у рта. Растрепанные ветром волосы, расстегнутая рубашка, а в глазах что-то до боли похожее на нежность. Внизу листа вилась аккуратная арабская вязь: «Мой северный ветер».

Это были рисунки матери. Застывшее прошлое. Свидетельство любви, которую смогла оборвать только смерть. Те-

перь я понимала папу лучше: он не разлюбил ее, просто замуровал свое горе под слоем московского бетона и сухих цифр. Ему было проще избавиться от фермы, чем хранить то, что причиняло такую невыносимую боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.